

**О введении понятия «нарцизм»
(1914)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке

1914 *Jb. Psychoanalyse*. т. 6, 1–24.

1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 78–112. (1922, 2-е изд.)

1924 Лейпциг, Вена и Цюрих. Международное психоаналитическое издательство. 35 страниц.

1925 *G. S.*, т. 6, 153–187.

1931 *Theoretische Schriften*. 25–57.

1946 *G. W.*, т. 10, 137–170.

Идея написания данной статьи появилась в письмах Фрейда в июне 1913 года; первый ее вариант он завершил во второй половине сентября того же года, будучи в отпуске в Риме. Но только в конце февраля 1914 года он приступил к работе над окончательным вариантом статьи, который был завершен месяц спустя.

Хотя в заглавии статьи Фрейд говорит о «введении» понятия «нарцизм», к тому времени он уже употреблял этот термин в течение нескольких лет. Эрнест Джонс (1962*a*, 322) сообщает, что на собрании Венского психоаналитического объединения 10 ноября 1909 года Фрейд сказал, что нарцизм — это необходимая переходная стадия между аутоэротизмом и объектной любовью. Примерно в это же время Фрейд подготовил для печати второе издание своих «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*) (в предисловии указана дата «в декабре 1909 года»; так, например, в одно из этих изданий добавлена сноска (*Studienausgabe*, т. 5, с. 56, прим.) — пожалуй, самое раннее опубликованное упоминание этого нового термина, но при условии, что новое издание действительно появилось в первые месяцы 1910 года. Ибо в конце мая того же года вышла книга Фрейда, посвященная Леонардо (1910*c*), в которой есть гораздо более обстоятельное примечание о нарцизме (*Studienausgabe*, т. 10, с. 125). Упомянутая Фрейдом в начале данного очерка работа Ранка на эту тему появилась в 1911 году; сам Фрейд несколько позже обсуждал нарцизм и в других сочинениях, например, в разделе III анализа Шребера (1911*c*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 184–188, а также в работе «Тотем и табу» (1912–1913), *Studienausgabe*, т. 9, с. 376–378.

Эта статья относится к важнейшим сочинениям Фрейда и может считаться поворотным пунктом в развитии его теорий. Фрейд попыто-

живает в ней свои прежние высказывания о нарцизме и обсуждает место нарцизма в сексуальном развитии; но помимо этого он также занимается более глубокими проблемами отношений между Я и внешними объектами и впервые проводит различие между «либидо Я» и «объектным либидо». Далее — и это, пожалуй, самый важный аспект — он вводит понятия «Я-идеала» и связанной с ним инстанции самонаблюдения, то есть закладывает основы того, что позднее им было описано в работе «Я и Оно» (1923*b*) как «Сверх-Я». Наконец, в двух местах работы — в конце первого и в начале третьего разделов — он останавливается также на расхождении с Адлером и Юнгом, которые представляют главную тему опубликованной примерно в это же время «Истории психоаналитического движения» (1914*d*), написанной в первые месяцы 1914 года. Возможно, одной из причин написания этой работы было желание Фрейда противопоставить понятие нарцизма в качестве альтернативы несексуальному «либидо» по Юнгу и «мужскому протесту» по Адлеру.

Но это далеко не все рассматриваемые в работе темы, и поэтому неудивительно, что она кажется необычайно насыщенной, а ее рамки чуть ли не разрываются обилием материала. Очевидно, и сам Фрейд чувствовал это; Эрнест Джонс (1962*a*, 360) сообщает, что Фрейд был очень недоволен достигнутым результатом; а в одном письме Абрахаму от 16 марта 1914 года Фрейд пишет: «Завтра я отошлю Вам “Нарцизм”, который родился в тяжких муках и обнаруживает все деформации, присущие таким родам» (Freud, 1965*a*, S. 163).

Как бы то ни было, эта работа требует и заслуживает интенсивного изучения: в ней содержатся наброски многих последующих идей Фрейда. Некоторые из них прослеживаются, например, в «Печали и меланхолии» (1917*e*), с. 209 и далее в этом томе, в главах VIII и IX «Психологии масс» (1921*c*). Следует также упомянуть, что тема нарцизма составляет основную часть 26-й лекции Фрейда по введению в психоанализ (1916–1917). Дальнейшее развитие этих новых представлений о структуре психики, наброски которых можно найти в данной работе, позднее побудило Фрейда пересмотреть некоторые изложенные здесь идеи; в частности, это относится к функционированию Я. В связи с этим следует отметить, что значение термина «Я» постепенно изменялось. Вначале Фрейд использовал это понятие без особых уточнений — сегодня мы бы говорили о «самости». Но в своих поздних работах он все же дал ему более точное, более узкое определение. В этом смысле настоящее сочинение занимает промежуточную позицию. Более подробно данная тема рассматривается в «Предисловии издателей» к работе «Я и Оно» (1923*b*), с. 293 и далее в этом томе.

Термин «нарцизм» происходит из клинического описания; в 1899 году он был выбран П. Некке¹ для обозначения такого поведения, при котором индивид обращается с собственным телом как с сексуальным объектом, то есть рассматривает его с сексуальным вождением, поглаживает, ласкает до тех пор, пока благодаря таким действиям не достигает полного удовлетворения. В этой форме нарцизм имеет значение перверсии, поглотившей всю сексуальную жизнь человека, и поэтому к нему относятся также те ожидания, с которыми мы обычно приступаем к изучению всех перверсий.

Затем в ходе психоаналитических наблюдений обратил на себя внимание тот факт, что отдельные черты нарциссического поведения обнаруживаются у многих людей, страдающих другими расстройствами, например, согласно Задгеру, у гомосексуалистов; в конце концов возникло предположение, что распределение либидо, обозначаемое как нарцизм, наблюдается в гораздо большем объеме и что, возможно, оно занимает определенное место в обычном сексуальном развитии человека². К такому же предположению приходишь в связи с трудностями, возникающими во время психоаналитической работы с невротиками, ибо складывается впечатление, что такое нарциссическое поведение

¹ [В одном из добавленных в 1920 году примечаний к «Трем очеркам» (1905d, *Studienausgabe*, т. 5, с. 122, прим. 3) Фрейд указывает, что в представленной здесь работе ошибочно назвал Некке создателем термина «нарцизм» и что, скорее, его авторство можно приписать Хэвлоку Эллису. Однако позднее сам Эллис в небольшой статье (1927) уточняет поправку Фрейда: на самом деле приоритет принадлежит им обоим — ему и Некке; им, Эллисом, выражение «*narcissus-like*» использовалось в 1898 году для описания определенной психической установки, тогда как Некке в 1899 году использовал термин «Narcismus» для описания сексуальной перверсии. В работе, посвященной случаю Шребера (1911c), *Studienausgabe*, т. 7, с. 184, Фрейд объясняет свой выбор слова «нарцизм» вместо, возможно, более корректного, но менее благозвучного «нарциссизм».]

² О. Ранк (1911).

создает одно из препятствий для возможности влиять на них. Нарцизм в этом смысле можно считать не перверсией, а либидинозным дополнением к эгоизму влечения к самосохранению, известную долю которого по праву приписывают каждому живому существу.

Настоятельная потребность заняться вопросом о первичном и нормальном нарцизме появилась после того, как была предпринята попытка соотнести представления о *dementia praecox* (Крепелин), или шизофрении (Блейлер), с положениями теории либидо. У больных, которых я предложил назвать парафрениками¹, проявляются две фундаментальные особенности: мания величия и потеря интереса к внешнему миру (к людям и вещам). Вследствие последнего из названных изменений на них невозможно повлиять с помощью психоанализа, и наши старания не помогают им исцелиться. Однако отстранение парафреника от внешнего мира требует более точного обозначения. Истерик и человек, страдающий неврозом навязчивых состояний, в зависимости от тяжести своей болезни также утрачивают связь с реальностью. Однако анализ показывает, что эротическое отношение к людям и вещам у них отнюдь не исчезло. Оно сохраняется у них в фантазии, то есть, с одной стороны, они заменяют реальные объекты воображаемыми, взятыми из воспоминаний, или смешивают их; с другой стороны, они отказываются совершать моторные действия для достижения своих целей, касающихся этих объектов. Только к этому состоянию либидо следует отнести выражение «*интroversия либидо*», которое Юнг употребляет без каких-либо отличий². Иначе обстоит дело у парафреника. По всей видимости, он действительно отдалил свое либидо от людей и предметов внешнего мира, не заменив их другими в своей фантазии. Там, где затем такая замена происходит, она кажется чем-то вторичным и относящимся к попытке исцеления, благодаря которой либидо должно вернуться к объекту³.

¹ [Об употреблении Фрейдом этого термина см. примечание издателей в конце 3-го раздела анализа случая Шребера (1911c). *Studienausgabe*, т. 7, с. 198, прим. 1.]

² [Ср. примечание в начале работы «О динамике переноса» (1912b), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 161–162, прим. 3.]

³ Ср. в этой связи дискуссию о «конце света» в анализе председателя судебной коллегии Шребера (1911[с. *Studienausgabe*, т. 7, с. 191–195]). Далее: Abraham, 1908. [См. также ниже с. 53.]

Возникает вопрос: какова дальнейшая судьба либидо, лишённого объектов, при шизофрении? Здесь путь нам указывает мания величия при таких состояниях. Вероятно, она возникла за счёт объектного либидо. Либидо, лишённое внешнего мира, стало обращённым на Я, в результате чего возникло поведение, которое мы можем назвать нарцизмом. Но сама мания величия — это не новое образование, а, как мы знаем, усиление и проявление состояния, которое уже существовало раньше. Тем самым мы приходим к пониманию нарцизма, существующего благодаря привлечению объектных катексисов, как вторичного, надстраиваемого над первичным, который завуалирован разного рода влияниями.

Отмечу еще раз, что не хочу здесь разъяснять или углублять проблему шизофрении — я просто подытоживаю то, что уже было сказано в других работах¹, чтобы обосновать введение понятия нарцизма.

Третий источник такого, как мне кажется, законного развития теории либидо — это наши наблюдения за душевной жизнью детей и примитивных народов. У последних мы обнаруживаем черты, которые, будь они единичными, можно было отнести к мании величия: переоценку силы своих желаний и психических актов, «всемогущество мыслей», веру в волшебную силу слов, приемы воздействия на внешний мир, «магию», которая предстает как последовательное использование этих напоминающих манию величия предпосылок². Совершенно аналогичное отношение к внешнему миру мы ожидаем встретить и у современного ребенка, развитие которого нам гораздо менее ясно³. Таким образом, мы создаем представление об исходном либидинозном катексисе Я, который затем передается объектам. Но, в сущности, он сохраняется и относится к объектным катексисам как тело протоплазматического организма к выпущенным им псевдоподиям⁴. В нашем исследовании, исходившем из не-

¹ [См. прежде всего труды, указанные в предыдущем примечании. Ниже, на с. 56. Фрейд действительно весьма обстоятельно освещает эту проблему.]

² См. соответствующие разделы в моей книге «Тотем и табу» (1912–1913). [Прежде всего они содержатся в третьей статье. *Studienausgabe*, т. 9, с. 371 и далее.]

³ См. Ferenczi. 1913a.

⁴ [Это и подобные сравнения Фрейд также использовал позднее во многих местах, например, в 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 402. — Некоторые из вышеизложенных представлений Фрейда в дальнейшем скорректировал. См. выше (с. 42) заключительную часть «Предварительных замечаний издателей».]

вротических симптомов, эта часть распределения либидо вначале оставалась скрытой. Нам бросались в глаза лишь эманации этого либидо, объектные катексисы, которые могут посылаться и снова отводиться обратно. В общем-то мы видим также противоречие между либидо Я и объектным либидо¹. Чем больше потребляется одно, тем больше скудеет другое. Высшей фазой развития, до которой доходит последнее, нам представляется состояние влюбленности, которое, по нашему мнению, представляет собой отказ от собственной личности в пользу объектного катексиса и находит свою противоположность в фантазии (или самовосприятии) параноиков о конце света². И, наконец, относительно разделения психических энергий мы заключаем, что вначале, в состоянии нарциссизма, они слиты и не различимы для нашего предварительного анализа; и только с катексисом объекта появляется возможность отделить сексуальную энергию, либидо, от энергии влечений Я³.

Прежде чем продолжить, я должен затронуть два вопроса, которые ведут нас в самую сердцевину проблем, связанных с этой темой. Во-первых: как относится нарцизм, о котором мы здесь говорим, к аутоэротизму, описанному нами как раннее состояние либидо⁴? Во-вторых: если мы приписываем Я первичный катексис либидо, то зачем вообще нужно отделять сексуальное либидо от несексуальной энергии влечений Я? Нельзя ли было бы избежать всех трудностей, вытекающих из разделения на энергию влечений Я и либидо Я, либидо Я и объектное либидо, если бы мы приняли за основу единую психическую энергию⁵? По поводу первого вопроса замечу: то, что изначально у индивида нет единства, сравнимого с Я, — это неизбежное предположение; Я должно развиваться. Аутоэротические же вле-

¹ [Этого различия Фрейд здесь касается впервые.]

² [См. прим. 3 на с. 44.] Существует два механизма такого конца света: когда весь катексис либидо устремляется на объект любви и когда он весь возвращается в Я.

³ [О развитии представлений Фрейда о влечениях см. ниже, на с. 81–83, «Предварительные замечания издателей» к работе «Влечения и их судьбы» (1915c).]

⁴ [См. второй из трех очерков Фрейда по теории сексуальности (1905d). *Studienausgabe*, т. 5, с. 88–89.]

⁵ [По поводу этого пассажа см. ниже, на с. 83. «Предварительные замечания издателей» к работе «Влечения и их судьбы» (1915c).]

чения изначально; следовательно, к аутоэротизму должно добавиться нечто, новое психическое действие, чтобы сформировать нарцизм.

Требование дать определенный ответ на второй вопрос должно вызвать у любого психоаналитика явное неудовольствие. Он защищается от чувства того, что заменяет наблюдение бесплодными теоретическими спорами, но не вправе уклониться от попытки дать объяснение. Разумеется, такие представления, как либидо Я, энергия влечений Я и так далее, не отличаются ни особой ясностью, ни богатством содержания; в качестве основы умозрительной теории таких отношений хотелось бы прежде всего иметь некое строго очерченное понятие. Но, на мой взгляд, в этом и состоит различие между умозрительной теорией и наукой, которая строится на толковании эмпирических данных. Последняя не будет завидовать преимуществам умозрительных рассуждений — их гладким, логически безупречным обоснованиям, — а охотно удовлетворится неясными, словно исчезающими в тумане, непредставимыми основными идеями, которые она надеется яснее понять в ходе своего развития и, возможно, готова даже заменить другими. То есть эти идеи не составляют фундамент науки, на котором все зиждется; такой фундамент скорее дает наблюдение. Они находятся не внизу, а на самом верху всего строения, и их можно заменить или вообще убрать без какого-либо ущерба. В наше время мы видим подобное в физике, основные воззрения которой о материи, центрах силы, притяжении и т.д. вряд ли внушают меньше сомнений, чем соответствующие воззрения в психоанализе¹.

Ценность понятий «либидо Я», «объектное либидо» заключается в том, что они возникли в результате анализа интимных особенностей невротических и психотических процессов. Разделение либидо на либидо, присущее Я, и либидо, которое привязывается к объектам, — это естественное продолжение первой гипотезы, разграничивающей сексуальные влечения и влечения Я. К такому разграничению меня побудил анализ чистых невротических переноса (истерии и невроза навязчивых состояний), и я знаю только, что все попытки объяснить эти феномены с помощью других средств потерпели полную неудачу.

При полном отсутствии теории влечений, задающей некие ориентиры, позволительно или, лучше сказать, необходимо вначале про-

¹ [Эту же мысль Фрейд высказывает в самом начале своей работы «Влечения и их судьбы» (1915с), см. ниже с. 85.]

верить какое-нибудь предположение, последовательно развивая его до тех пор, пока оно не окажется несостоятельным или не оправдаться. В пользу гипотезы об исходном разделении на сексуальные влечения и влечения Я — наряду с ее пригодностью для анализа невротизов переноса — говорит очень многое. Я признаю, что сам по себе этот момент не был бы однозначным, ибо речь могла бы идти об индифферентной психической энергии¹, которая становится либидо только благодаря катексису объекта. Но такое разделение понятий, во-первых, соответствует общепринятому разделению на голод и любовь. Во-вторых, в его пользу говорят *биологические* соображения. Индивид действительно ведет двойное существование — как самоцель и как звено в цепи, которой он служит вопреки или, во всяком случае, помимо собственной воли. Даже сексуальность он принимает за одно из своих намерений, тогда как, если смотреть с другой позиции, она представляет собой лишь придачу к его зародышевой плазме, которому он предоставляет свои силы в награду за удовольствие, будучи смертным носителем, возможно, бессмертной субстанции, подобно тому, как старший в роду — лишь временный владелец сохраняющегося и после его смерти имущества. Отделение сексуальных влечений от влечений Я отражало бы только эту двойную функцию индивида². В-третьих, необходимо помнить о том, что все наши временные психологические данности когда-нибудь нужно будет соотнести с их органическими носителями. Вполне вероятно, что особые вещества и химические процессы оказывают влияние на сексуальность и содействуют тому, что индивидуальная жизнь продолжается в жизни рода³. Мы считаемся с такой вероятностью, заменяя особые химические вещества особыми психическими силами.

Именно потому, что обычно я стараюсь оградить психологию от всего чуждого ей, в том числе и от биологического мышления, я хочу здесь открыто признать, что гипотеза об отдельных влечениях Я и сексуальных влечениях, то есть теория либидо, обоснована, по существу, биологически и лишь отчасти покоится на психологической почве. Поэтому я буду также вполне последовательным и откажусь от этой гипотезы, если в ре-

¹ [Эта идея вновь появляется в работе «Я и Оно» (1923b). см. ниже с. 85.]

² [Психологическое значение теории Вейсмана о зародышевой плазме Фрейд гораздо подробнее рассматривает в главе VI работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g). см. ниже с. 270 и далее.]

³ [См. ниже на с. 94, прим. 3 к работе «Влечения и их судьбы» (1915c).]

зультате психоаналитической работы как таковой появится другое, более пригодное предположение, касающееся влечений. Но этого до сих пор не произошло. Вполне возможно, что сексуальная энергия, либидо — в глубочайшей основе и в конечном счете — лишь дифференцированный продукт общей энергии, которая действует в психике. Но такое утверждение большого значения не имеет. Оно относится к вещам, которые столь далеки от проблем, связанных с нашими наблюдениями, и в нем так мало познавательного содержания, что совершенно бессмысленно пытаться его оспаривать или использовать. Пожалуй, это первичное тождество имеет столь же мало общего с нашими аналитическими интересами, как первичное родство всех человеческих рас — с доказательством родства с завещателем, которое требует ведомство по делам о наследии. С помощью всех этих умозрительных рассуждений мы ни к чему не приходим; поскольку не можем ждать, пока какая-нибудь другая наука одарит нас выводами, касающимися теории влечений; гораздо целесообразнее попытаться узнать, как можно разгадать эту фундаментальную биологическую загадку благодаря синтезу психологических феноменов. Мы будем иметь в виду возможность ошибки, но это не должно нас удерживать от последовательного прослеживания выбранной первой¹ гипотезы о противоположности влечений Я и сексуальных влечений, которая возникла у нас в результате анализа «неврозов переноса», с точки зрения возможности ее непротиворечивого и плодотворного развития, а также применения к другим поражениям, например к шизофрении.

Разумеется, дело обстоит бы иначе, если бы было приведено доказательство, что при объяснении последнего заболевания теория либидо уже потерпела фиаско. К. Г. Юнг (1912) высказал это утверждение, вынудив меня этим к данным рассуждениям, без которых я мог бы вполне обойтись. Я предпочел бы пройти до конца путь, проторенный в анализе случая Шребера, ничего не говоря о своих предположениях. Но утверждение Юнга, по меньшей мере, поспешно. Его доводы не очень убедительны. Сначала он ссылается на мое собственное свидетельство, что я сам из-за трудностей при анализе Шребера чувствовал себя вынужденным расширить понятие либидо, то есть отказаться от его сексуально-

¹ [В изданиях до 1924 года: «выбранной первой». В последующих изданиях: «упомянутой первой», что не совсем понятно и, возможно, является опечаткой.]

го значения и отождествить либидо с психическим интересом в целом. Все, что необходимо сказать для исправления такого неверного истолкования моих слов, уже привел Ференци в обстоятельной критической статье, посвященной работе Юнга (1913b). Я могу только согласиться с критиком и повторить, что нигде не заявлял о подобном отказе от теории либидо. Второй аргумент Юнга: нельзя полагать, что потеря нормальной функции реальности¹ может вызываться только отводом либидо, — это не аргументация, а декретирование; *it begs the question*², решение предопределено и дискуссия становится излишней, ибо возможно ли это вообще и, если да, то каким образом, как раз и должно быть исследовано. В следующей своей крупной работе (1913 [339–340]) Юнг вплотную подошел к давно уже обозначенному мною решению: «При этом, однако, нам нужно еще учитывать — на что, впрочем, указывает Фрейд в своей работе о случае Шребера [1911c], — что интроверсия *libido sexualis* ведет к катексису “Я”, в результате чего, возможно, и проявляется тот эффект потери реальности. Это и в самом деле заманчивая возможность объяснить таким образом психологию потери реальности». Но только Юнг не останавливается долго на этой возможности. Несколькими строками³ ниже он отмахивается от нее замечанием, что при таких условиях «возникла бы психология аскетического анахорета, но не *dementia graecorum*». Насколько мало такое непригодное сравнение позволяет решить вопрос, становится ясным из замечания, что у такого анахорета, который «стремится искоренить всякий след сексуального интереса» (но только в общепринятом значении слова «сексуальный»), совершенно не обязательно проявится патогенное распределение либидо. Он может полностью потерять сексуальный интерес к людям, но сублимировать его в повышенный интерес к божественному, к природе, к животному миру, не допуская интроверсии либидо к своим фантазиям или его возвращения к своему Я. В этом сравнении, по-видимому, исходно игнорируется возможное различие интересов, проистекающих из эротических и

¹ [Эта формулировка принадлежит Жане (1909): «*La fonction du réel*». См. выше, на с. 19. вводные замечания к работе «Положения о двух принципах психического события» (1911b).]

² [Спорный вопрос считается решенным (англ.). — *Примечание переводчика.*]

³ [Во всех предыдущих немецких изданиях здесь опечатка — вместо правильного слова «строками» стоит слово «страницами».]

других источников. Кроме того, вспомним о том, что исследования швейцарской школы при всех их достоинствах дали объяснение только двум моментам в картине *dementia praecox* — существованию определенных комплексов, встречающихся как у здоровых людей, так и у невротиков, и сходству фантазий больных с народными мифами. Но они не смогли пролить свет на механизм заболевания, и поэтому мы можем отвергнуть утверждение Юнга, что теория либидо потерпела фиаско при объяснении *dementia praecox* и, следовательно, исчерпала себя в отношении и других неврозов.

II

Непосредственное изучение нарцизма, как мне кажется, невозможно из-за особых сложностей. Главным подходом к нему останется, пожалуй, анализ парафрений. Подобно тому, как неврозы переноса позволили нам проследить либидинозные импульсы влечений, точно так же изучение *dementia praecox* и паранойи позволит нам понять психологию Я. И опять мы должны будем разгадать кажущуюся простоту нормального человека на основе искажений и огрублений в патологии. И тем не менее, чтобы приблизиться к пониманию нарцизма, у нас остаются открытыми некоторые другие пути, которые я хочу теперь описать по порядку: рассмотрение органической болезни, ипохондрии и любовной жизни полов.

В оценке влияния органической болезни на распределение либидо я следую идеям, высказанным Ш. Ференци. Всем нам известно и кажется совершенно естественным, что человек, которого мучают органическая боль и неприятные ощущения, теряет интерес к предметам внешнего мира, если они не касаются его страданий. Более точное наблюдение показывает, что у него пропадает также и либидинозный интерес к объектам любви, он перестает любить, пока страдает. И пусть нас не смущает банальность этого факта, когда мы хотим дать его перевод в термины теории либидо. В таком случае мы бы сказали: больной возвращает катексисы либидо к своему Я, чтобы после выздоровления излучать их снова. «Лишь в тесном дупле коренного зуба пребывает душа», — говорит В. Буш о поэте, страдающем зубной болью¹. Либидо и интересы Я постигает при этом одна и та же судьба, и их снова нельзя отделить друг от друга. Известный эгоизм больных покрывает и то, и другое. Мы считаем его

¹ [«Baldun Bählamm». глава VIII.]

совершенно естественным, ибо не сомневаемся, что в такой ситуации будем вести себя точно так же. Исчезновение по-прежнему весьма интенсивной готовности любить вследствие физических расстройств, внезапная ее замена полным равнодушием находят соответствующее отображение в комедиях.

Как и болезнь, состояние сна также означает нарциссический отвод позиций либидо к собственной персоне, точнее, к желанию спать. Эгоизм сновидений вполне соответствует этим взаимосвязям¹. В обоих случаях мы имеем дело не с чем иным, как с изменениями распределения либидо вследствие изменения Я.

Ипохондрия, как и органическая болезнь, выражается в мучительных и болезненных физических ощущениях и точно так же влияет на распределение либидо. Ипохондрик не обнаруживает интереса к объектам внешнего мира и не направляет на них либидо (последнее проявляется особенно отчетливо), а сосредоточивает и то, и другое на занимающем его органе. Здесь становится очевидным различие между ипохондрией и органической болезнью: в последнем случае неприятные ощущения объясняются [органическими] изменениями, которые можно выявить, а в первом случае таких изменений нет. Но если бы мы решились сказать, что ипохондрия в чем-то права и органические изменения должны быть и в этом случае, то это отвечало бы другим нашим представлениям о невротических процессах. В чем же тогда состояли бы эти изменения?

Мы будем здесь руководствоваться наблюдением, что неприятные телесные ощущения, сходные с ипохондрическими, присутствуют и при других неврозах. Однажды я уже высказывал свое желание представить ипохондрию как третий актуальный невроз наряду с неврастенией и неврозом страха². Наверное, не

¹ [См. ниже на с. 192. работу «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917d).]

² [Пожалуй, самое первое указание на это содержится в сноске в конце раздела II анализа Шребера (1911c). *Studienausgabe*, т. 7, с. 181, прим. 2. Следующее короткое, но более определенное упоминание содержится в заключительных замечаниях Фрейда к дискуссии об онанизме в Венском психоаналитическом объединении (1912f). Позднее, в 24-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. 1, с. 378, он еще раз возвращается к этой теме. Однако в еще более ранний период своего творчества Фрейд ставил вопрос об отношении между ипохондрией и другими «актуальными неврозами». См. раздел I (2) его первой работы, посвященной неврозу страха (1895b). *Studienausgabe*, т. 6, с. 29.]

будет преувеличением сказать, что, как правило, и при других невробах отчасти формируется ипохондрия. Нагляднее всего это проявляется, пожалуй, при невробе страха и надстраивающейся на нем истерии. Хорошо известный нам пример болезненно-чувствительного, в некотором смысле измененного, но не больного в обычном понимании органа — возбужденные гениталии. К ним притекает кровь, они разбухают, увлажняются и становятся источником разнообразных ощущений. Если мы назовем деятельность части тела, состоящую в том, чтобы посылать в психику сексуально возбуждающие раздражители, *эрогенностью* и если мы вспомним о том, что в соответствии с положениями теории сексуальности определенные части тела — *эрогенные зоны* — могут заменять гениталии и вести себя аналогично им¹, то мы должны отважиться сделать здесь еще один шаг. Мы можем решиться рассматривать эрогенность как общее свойство всех органов, и тогда мы будем вправе говорить о ее повышении или снижении в определенной части тела. Каждое такое изменение эрогенности в органах может сопровождаться изменением либидинозного катексиса в Я. В таких моментах нам следовало бы искать то, что нами положено в основу ипохондрии и что может оказывать такое же воздействие на распределение либидо, как и материальное заболевание органов.

Продолжая этот ход мыслей, мы заметим, что сталкиваемся с проблемой не только ипохондрии, но и других актуальных невробов, неврастения и невроба страха. Поэтому давайте здесь остановимся; в намерения нашего чисто психологического исследования не входит переступать границы и так далеко вдаваться в область физиологического исследования. Следует только упомянуть вытекающую из этого гипотезу, что ипохондрия находится с парафренией в таких же отношениях, в каких другие актуальные невробы находятся с истерией и невробом навязчивых состояний, то есть она зависит от либидо Я, как те зависят от объектного либидо. С точки зрения либидо Я ипохондрический страх представляет собой противоположность невротического страха. Далее, если мы уже знакомы с представлением, что механизм заболевания и симптомообразования при невробах переноса, то есть шаг вперед от интроверсии к регрессии, сле-

¹ [Ср. «Три очерка по теории сексуальности» (1905d). *Studienausgabe*, т. 5, с. 90.]

дует связать с застоём объектного либидо¹, то мы должны также ближе познакомиться с представлением о застоё либидо Я и связать его с феноменами ипохондрии и парафрении.

Разумеется, здесь наша любознательность заставляет нас задать вопрос: почему подобный застой либидо в Я должен ощущаться как неприятный? Я хотел бы ограничиться ответом, что неудовольствие в целом является выражением более высокого напряжения, то есть представляет собой некоторое количество материального события, которое здесь, как и везде, превращается в психическое качество неудовольствия; тем не менее решающим моментом в развитии чувства неудовольствия является не абсолютная величина этого материального процесса, а, скорее, определенная функция этой абсолютной величины². С этих позиций можно решиться подойти к вопросу о том, откуда вообще берется необходимость в душевной жизни выходить за границы нарцизма и направлять либидо на объекты³. Ответ, вытекающий из наших рассуждений, следующий: эта необходимость возникает тогда, когда либидинозный катексис Я достиг определенных пределов. Выраженный эгоизм защищает от заболевания, но в конце концов человек должен начать любить для того, чтобы не заболеть, и будет больным, если не может любить из-за отказа. Это похоже на то, как Г. Гейне изображает психогенез сотворения мира:

Моих всех творческих порывов
Болезнь — последняя причина;
Творя сумел я исцелиться,
Творя я стал здоров⁴.

¹ Ср. [первые страницы работы] «О типах невротического заболевания» (1912c) [*Studienausgabe*, т. 6, с. 219 и далее.]

² [Этот комплекс вопросов гораздо подробнее обсуждается в работе «Влечения и их судьбы» (1915c), см. ниже с. 82 и далее. Относительно употребления термина «количество» в первой части данного предложения см. «Проект», написанный Фрейдом в 1895 году (1950a, часть I, первый раздел, «Первый главный тезис: количественный подход».)

³ [Гораздо более подробное обсуждение этой проблемы также можно найти в работе «Влечения и их судьбы» (1915c), см. ниже с. 104 и далее.]

⁴ [Эти слова поэт вкладывает в уста Бога. Н. Heine. *Neue Gedichte*, «Schöpfungslieder», VII.]

В нашем душевном аппарате мы прежде всего обнаружили одно средство, позволяющее справляться с возбуждениями, которые в противном случае воспринимались бы как мучительные или оказывали бы патогенное воздействие. Психическая переработка имеет необычайное значение для внутреннего отведения возбуждений, которые неспособны к непосредственному внешнему отводу или для которых такой отвод в данный момент был бы нежелателен. Но для такой внутренней переработки вначале не важно, с какими объектами — реальными или воображаемыми — она совершается. Различие проявляется только позднее, когда обращение либидо на нереальные объекты (интроверсия) привело к его застою. Аналогичная внутренняя переработка вернувшегося к Я либидо приводит при парафрении к возникновению мании величия; возможно, только после ряда разочарований застой либидо в Я становится патогенным и стимулирует процесс исцеления, который производит впечатление болезни.

Здесь я попытаюсь несколько углубиться в механизм парафрений и сопоставлю точки зрения, которые, на мой взгляд, уже сегодня заслуживают внимания. Отличие этих заболеваний от неврозов переноса я отношу к тому обстоятельству, что либидо, ставшее свободным в результате фрустрации, не остается фиксированным на объектах фантазии, а возвращается к Я; в таком случае мания величия соответствует психическому преодолению этих количеств либидо, то есть интроверсии на продукты фантазии при неврозах переноса; вследствие осечки этой психической деятельности возникает ипохондрия при парафрении, гомологичная страху при неврозах переноса. Мы знаем, что этот страх может смениться дальнейшей психической переработкой, то есть конверсией, реактивными образованиями, защитными образованиями (фобией). При парафрении вместо этого совершается попытка реституции, которой мы и обязаны бросающимися в глаза болезненными явлениями. Поскольку парафрения часто — если не в большинстве случаев — сопровождается лишь частичным отделением либидо от объектов, то в ее картине можно выделить три группы явлений: 1) сохранившиеся нормальные или невротические явления (остаточные явления); 2) проявления болезненного процесса (отделение либидо от объектов, кроме того, мания величия, ипохондрия, аффективные нарушения, все виды регрессии); 3) явления реституции, в результате которой по схеме при истерии (*dementia praecox*, истинной парафрении) или по схеме не-

вроза навязчивых состояний (паранойи) либидо снова устремляется на объекты. Этот новый либидинозный катексис происходит с другого уровня и при других условиях по сравнению с первичным¹. Различие между возникшими в данном случае невротами переноса и соответствующими образованиями нормального Я, по-видимому, позволит нам получить самое глубокое понимание структуры нашего душевного аппарата.

Третий подход к изучению нарцизма открывает нам любовная жизнь людей в ее различной дифференциации у мужчины и женщины. Подобно тому, как в наших наблюдениях объектное либидо вначале было закрытым либидо Я, точно так же при выборе объекта ребенком (и подростком) мы сначала заметили, что свои сексуальные объекты он выбирает в соответствии со своими переживаниями удовлетворения. Первое аутоэротическое сексуальное удовлетворение переживается в связи с жизненно важными функциями, служащими самосохранению. Сексуальные влечения сначала примыкают к удовлетворению влечений Я и только позднее становятся независимыми от последних; но это примыкание проявляется также и в том, что люди, имеющие дело с кормлением, охраной ребенка и уходом за ним, то есть в первую очередь мать или тот, кто ее заменяет, становятся его первыми сексуальными объектами. Наряду с этим типом и этим источником выбора объекта, который можно назвать *примыкающим*², аналитическое исследование познакомило нас со вторым типом, встретить который мы никак не ожидали. Мы обнаружи-

¹ [Некоторые дополнительные замечания по этому поводу см. ниже, на с. 174–175, в заключительной части работы «Бессознательное» (1915e).]

² [Пожалуй, термин «примыкающий тип» в печатном виде появляется здесь впервые. И наоборот, представление о том, что ребенок через потребность в пище обретает свой первый сексуальный объект, можно найти еще в первом издании «Трех очерков по теории сексуальности» (1905d), *Studienausgabe*, т. 5, с. 125–126; однако два или три места, в которых там встречается термин «примыкающий тип», были добавлены лишь в издании 1915 года. Похоже, что введение этого понятия было подготовлено во второй работе Фрейда, посвященной психологии любви (1912d), там же, с. 200. Выражение «примыкающий» в аналогичном смысле употреблялось в начале 3-го раздела анализа Шребера (1911c), *Studienausgabe*, т. 7, с. 185, однако гипотеза, лежащая в его основе, приведена не была. Следует заметить, что в данном контексте слово «примыкающий» обозначает отношение сексуальных влечений к влечениям Я, но не отношение ребенка к матери.]

ли — особенно четко у лиц, либидинозное развитие которых было нарушено. например, у извращенцев и гомосексуалистов, — что позднее они выбирают объект любви не по образу матери, а по прототипу собственной персоны. В качестве объекта любви они явно ищут самих себя, обнаруживая тип выбора объекта, который следует назвать *нарциссическим*. В этом наблюдении можно увидеть самый сильный мотив, склонивший нас к гипотезе о нарцизме.

Мы не пришли к заключению, что люди четко делятся на две разные группы в зависимости от того, к какому типу выбора объекта они принадлежат — нарциссическому или примыкающему, а скорее предполагаем, что каждому человеку открыты оба пути выбора объекта, причем он может предпочесть как тот, так и другой. Мы говорим, что у человека есть два первоначальных сексуальных объекта — он сам и заботящаяся о нем женщина, предполагая при этом, что у каждого человека существует первичный нарцизм, который при случае может оказывать доминирующее воздействие при выборе им объекта.

Сравнение мужчины и женщины показывает, что по отношению к типу выбора объекта у них наблюдаются фундаментальные, хотя, разумеется, и не регулярные различия. Абсолютная любовь к объекту по примыкающему типу, в сущности, характерна для мужчины. Она обнаруживает поразительную сексуальную переоценку, которая, видимо, происходит из первоначального нарцизма ребенка и, следовательно, соответствует переносу нарцизма на сексуальный объект. Эта сексуальная переоценка способствует возникновению своеобразного состояния влюбленности, напоминающего невротическую навязчивость, которое, таким образом, объясняется оскудением либидо у Я в пользу объекта¹. Иначе происходит развитие у самого распространенного, вероятно, самого чистого и настоящего типа женщины. Здесь в ходе пубертатного развития благодаря формированию дотолерантных женских половых органов, по-видимому, происходит усиление первоначального нарцизма, которое неблагоприятно сказывается на развитии настоящей, сопряженной с сексуальной переоценкой объектной любви. Особенно в том случае, когда в процессе своего развития женщина становится кра-

¹ [К этой теме Фрейд снова возвращается при обсуждении состояния влюбленности в 8-й главе «Психологии масс» (1921c), *Studienausgabe*. т. 9, с. 106–106.]

сивой, у нее возникает самодовольство, возмещающее ее социально ограниченную свободу в выборе объекта. Строго говоря, такие женщины любят только самих себя. причем так же сильно, как их любит мужчина. Они и нуждаются не в том, чтобы любить, а в том, чтобы быть любимой, и им нравятся мужчины, которые выполняют это условие. Значение этого типа женщин для любовной жизни людей следует оценить весьма высоко. Такие женщины наиболее привлекательны для мужчин, причем не только по эстетическим причинам, поскольку обычно они очень красивы, но и в силу любопытных психологических констелляций. Нетрудно заметить, что нарцизм человека обладает большой притягательной силой для тех людей, которые полностью отказались от собственного нарцизма ради объектной любви; очарование ребенка во многом основывается на его нарцизме, самодовольстве и недоступности, равно как и очарование некоторых животных, например кошек и крупных хищников, которых словно ничего не заботит. И даже в художественных произведениях великий преступник и юморист увлекают нас той нарциссической последовательностью, с которой они умеют отстранять от своего Я все, что его принижает. Мы словно завидуем тому, что они сохранили счастливое душевное состояние, неприступную позицию либидо, от которой сами мы давно уже отказались. Однако большая привлекательность нарциссической женщины не лишена и оборотной стороны; неудовлетворенность влюбленного мужчины, сомнения в любви женщины, сетования на загадочность ее души во многом объясняются этим несопадением типов выбора объекта.

Наверное, излишне будет заверить, что, изображая в таком виде женскую любовную жизнь, я далек от какого-либо стремления принизить женщину. Помимо того, что мне вообще чужды такие тенденции, я знаю также, что это развитие в различных направлениях соответствует дифференциации функций в необычайно сложных биологических взаимосвязях; кроме того, я готов признать, что существует огромное множество женщин, которые любят по мужскому типу и обнаруживают соответствующую сексуальную переоценку.

Но и у нарциссических, оставшихся холодными к мужчине женщин есть путь, который ведет их к полноценной объектной любви. В ребенке, который у них рождается, они соприкасаются с частью собственного тела как посторонним объектом, которому, основываясь на нарцизме, могут теперь подарить полно-

ценную объектную любовь. Другим женщинам не надо дожидаться ребенка, чтобы в своем развитии сделать шаг от (вторичного) нарцизма к объектной любви. До пубертата они сами ощущали себя мальчиками и отчасти развивались как мальчики; после того как с наступлением женской зрелости это устремление пропадает, у них сохраняется способность тянуться к мужскому идеалу, являющемуся, собственно говоря, продолжением того мальчишеского существа, которым они сами когда-то были¹.

Эти вскользь затронутые наблюдения завершит краткий обзор способов выбора объекта. Человек любит:

1) по нарциссическому типу:

а) такого, как он сам (самого себя),

б) такого, каким он был когда-то,

в) такого, каким он хотел бы быть,

г) человека, который прежде был частью его самого;

2) по примыкающему типу:

а) кормящую женщину,

б) защищающего мужчину

и весь ряд замещающих их людей. Случай в) первого типа мы сможем объяснить лишь в ходе последующих рассуждений. [См. ниже с. 71.]

Значение нарциссического объекта при гомосексуальности у мужчин необходимо будет рассмотреть в другом контексте².

Предполагаемый нами первичный нарцизм ребенка, составляющий одну из предпосылок нашей теории либидо, гораздо труднее распознать путем непосредственного наблюдения, нежели доказать логически, отталкиваясь от другого исходного пункта. Рассматривая отношение нежных родителей к своим детям, необходимо понимать его как оживление и воспроизводство собственного нарцизма, от которого они давно отказались. В этих чувственных отношениях, как известно, явно преобладает признак переоценки, который мы расценили как стигму нарцизма еще при рассмотрении выбора объекта. Так, например,

¹ [Свои взгляды на женскую сексуальность Фрейд развивал в ряде более поздних работ, таких, как «Психогенез одного случая женской гомосексуальности» (1920e), «Некоторые психические последствия анатомического различия между полами» (1925j), «О женской сексуальности» (1931h), а также в 33-й лекции «Нового цикла» (1933a).]

² [Этот вопрос Фрейд затронул еще в 3-м разделе своего очерка, посвященного Леонардо (1910c), *Studienausgabe*, т. 10, с. 124 и далее.]

существует потребность приписывать ребенку все совершенства, к чему при здоровом наблюдении не было бы никакого повода, а также скрывать и забывать все его недостатки, с чем связано также и отрицание детской сексуальности. Но существует также склонность избавить ребенка от всех требований культуры, с которыми пришлось считаться собственному нарцизму, и возродить у него претензии на давно уже отвергнутые привилегии. Ребенку должно быть лучше, чем его родителям, он не должен подчиняться necessities, которые царят в жизни. Ни болезнь, ни смерть, ни отказ от наслаждений, ни ограничение собственной воли не должны касаться ребенка; законы природы и общества к нему не относятся, он действительно должен стать центром и средоточием мироздания. *His Majesty the Baby*¹ — таким взрослый человек когда-то казался себе. Он должен исполнить неисполненные желания родителей, стать вместо отца великим человеком, героем, дочь должна получить в мужья принца в качестве позднего вознаграждения матери. Самый уязвимый момент нарциссической системы — жестоко попираемое реальностью бессмертие Я — сохраняется, найдя свое прибежище в ребенке. Трогательная, по сути, такая детская родительская любовь — это не что иное, как возрожденный нарциссизм родителей, который при превращении в объектную любовь совершенно открыто проявляет свою прежнюю сущность.

III

Каким нарушениям подвержен первоначальный нарцизм ребенка и какие реакции используются для их предотвращения, а также на какие пути он при этом отесняется — все эти вопросы я хотел бы пока отложить как важный рабочий материал, который все еще ждет своего разъяснения. Наиболее важную его часть можно выделить как «комплекс кастрации» (страх за пенис у мальчика, зависть к пенису у девочки) и обсудить ее во

¹ [По-видимому, намек на относящееся к эпохе правления Эдуарда VII известное в свое время изображение Королевской академии, снабженное этой надписью, где двое лондонских полицейских останавливают оживленное уличное движение, чтобы няня смогла перевезти через дорогу детскую коляску. Выражение «Его Величество Я» встречается в более ранней работе Фрейд «Поэт и фантазирование» (1908e). *Studienausgabe*, т. 10, с. 176.]

взаимосвязи с влиянием сексуального запугивания в раннем детстве. Психоаналитическое исследование, которое обычно дает нам возможность проследить судьбу либидинозных влечений, когда они, будучи изолированными от влечений Я, находятся к ним в оппозиции, позволяет нам сделать выводы о том времени и той психической ситуации, когда оба типа влечений проявляются в виде нарциссических интересов, пока еще действующих заодно в неразделимом смешении. Из этой взаимосвязи А. Адлер [1910] создал свое понятие «мужской протест», который он объявляет чуть ли не единственной движущей силой образования характера и неврозов, объясняя его не нарциссическим, то есть все-таки либидинозным, стремлением, а социальной оценкой. С точки зрения психоаналитического исследования существование и значение «мужского протеста» признавалось с самого начала, но вопреки Адлеру отстаивалась его нарциссическая природа и происхождение из «комплекса кастрации». Он относится к характерологическому образованию, в развитии которого он участвует наряду с другими факторами, и совершенно непригоден для объяснения проблемы неврозов, где Адлер учитывает только то, каким образом они служат интересам Я. Я считаю абсолютно невозможным поставить генез неврозов на узкую основу «комплекса кастрации», как бы сильно он ни проявлялся даже у мужчин среди других видов сопротивления лечению невроза. Наконец, мне также известны случаи неврозов, в которых «мужской протест», или — в нашем понимании — «комплекс кастрации», патогенной роли не играет или вообще отсутствует¹.

¹ [В письме от 30 сентября 1926 года Леонардо Вайсу (которому мы благодарны за эти сведения) Фрейд пишет: «Ваш вопрос по поводу моего высказывания во «Введении понятия "нарцизм"», бывают ли неврозы, при которых комплекс кастрации никакой роли не играет, приводит меня в замешательство. Не знаю, о чем я тогда думал. Сегодня, однако, я не смог бы назвать ни одного невроза, в котором не встречался бы этот комплекс, и уж во всяком случае сегодня я бы этой фразы не написал. Но пока обо всей этой области мы знаем еще слишком мало, и я предпочел бы не привязываться окончательно ни к одной странице» (Freud, 1970a; нем. изд., 1973, с. 70). — Другие критические замечания относительно представлений Адлера о «мужском протесте» содержатся в очерке «История психоаналитического движения» (1914d) и — более подробные — в работе «"Ребенка бьют"» (1919e), *Studienausgabe*, т. 7, с. 251–253.]

Наблюдение за нормальным взрослым человеком показывает, что его прежняя мания величия приглушена, а психические особенности, по которым мы судим о его детском нарцизме, сглажены. Что случилось с его либидо Я? Должны ли мы предполагать, что все его количество израсходовано на объектные катексисы? Эта возможность явно противоречит всему ходу наших рассуждений; но для другого ответа на этот вопрос мы можем также заимствовать сведения из психологии вытеснения.

Мы уже знаем, что импульсы либидинозного влечения подвергаются патогенному вытеснению, если они вступают в конфликт с культурными и этическими представлениями индивида. Под этим условием отнюдь не понимается, что человек обладает только интеллектуальным знанием о существовании этих представлений; всякий раз здесь имеется в виду, что он считает их определяющими для себя и подчиняется вытекающим из них требованиям. Вытеснение, как мы сказали, исходит из Я; мы могли бы уточнить: из самоуважения Я. Те же впечатления, переживания, импульсы, желания, которые один человек допускает у себя или, по крайней мере, сознательно перерабатывает, отвергаются другим с полным негодованием или подавляются еще до их осознания¹. Но различие между ними как условие вытеснения легко облечь в выражения, которые позволяют его понять благодаря теории либидо. Мы можем сказать, что один соорудил в себе *идеал*, с которым он сверяет свое фактическое Я, тогда как другому такого образования идеала недостает. Таким образом, образование идеала является условием вытеснения со стороны Я².

Этому идеалу Я принадлежит теперь та любовь к себе, которой в детстве наслаждалось действительное Я. Нарцизм переместился на это идеальное Я, которое, как и инфантильное, обладает всеми ценными совершенствами. Человек оказался здесь, как это всегда бывает в сфере либидо, неспособным отказаться от некогда испытанного удовлетворения. Он не хочет лишиться нарциссического совершенства своего детства, и если не смог сохранить его, то, сдерживаемый предостережениями, получен-

¹ [Некоторые другие замечания см. ниже, на с. 120, в работе о вытеснении (1915*d*).]

² [Комментарий к этому положению содержится в сноске к главе XI работы «Психология масс и анализ Я» (1921*c*). *Studienausgabe*, т. 9, с. 122, прим. 2.]

ными в период своего развития, и побуждаемый собственными суждениями, он пытается вновь обрести его в форме Я-идеала. То, что он проецирует как свой идеал, есть замена утраченного нарцизма своего детства, в котором он сам для себя был идеалом¹.

Напрашивается мысль исследовать отношение этого образования идеала к сублимации. Сублимация представляет собой процесс, происходящий с объектным либидо, который состоит в том, что влечение устремляется на другую цель, далекую от сексуального удовлетворения; при этом акцент делается на отвлечении от сексуальной сферы. Идеализация представляет собой процесс, происходящий с объектом, в результате которого этот объект, не меняясь по существу, психически возвеличивается и превозносится. Идеализация возможна как в области либидо Я, так и в области объектного либидо. Например, сексуальная переоценка объекта представляет собой его идеализацию. Поскольку, стало быть, сублимация описывает то, что происходит с влечением, а идеализация — то, что происходит с объектом, в понятийном отношении их следует отличать друг от друга².

Часто в ущерб пониманию образование Я-идеала путают с сублимацией влечения. Если кто-то сменил свой нарцизм на почитание высокого Я-идеала, то это еще не означает, что ему удалась сублимация своих либидинозных влечений. Хотя Я-идеал и требует такой сублимации, он не может вынудить к ней; сублимация остается особым процессом, начало которого может быть стимулировано идеалом, но его осуществление совершенно не зависит от этого стимулирования. Именно у невротиков можно обнаружить наивысшую разность напряжений между формированием Я-идеала и степенью сублимации их примитивных либидинозных влечений, и в целом гораздо труднее заставить убедиться в нецелесообразном использовании своего либидо идеалиста, нежели простого и скромного в своих притязаниях человека. Отношение образования идеала и сублимации к причинам возникновения невроза также совершенно различное. Образование идеала, как мы уже слышали, повышает требования Я и является мощнейшим фактором, способствующим

¹ [В изданиях до 1924 года здесь говорится «... есть лишь замена...»]

² [К вопросу идеализации Фрейд возвращается в 8-й главе «Психологии масс» (1921с). *Studienausgabe*, т. 9, с. 105.]

щим вытеснению; сублимация представляет собой выход из положения, когда требование может быть выполнено, не приводя к вытеснению¹.

Было бы неудивительно, если бы мы обнаружили особую психическую инстанцию, задача которой состоит в том, чтобы следить за обеспечением нарциссического удовлетворения от Я-идеала и с этой целью непрерывно наблюдать за фактическим Я, сверяя его с идеалом². Если такая инстанция существует, то выявить ее для нас оказывается невозможным; мы можем только распознать ее как таковую, сказав себе: то, что мы называем своей *совестью*, отвечает этой характеристике. Признание этой инстанции позволяет нам понять так называемый бред соблюдения, или, вернее, *наблюдения*, который столь ясно проявляется в симптоматологии параноидных заболеваний, но также может встречаться в качестве самостоятельного заболевания или вкрапляться в невроз переноса. Тогда больные жалуются на то, что все их мысли известны, за всеми их действиями наблюдают и надзирают; об их действиях эту инстанцию информируют голоса, которые — что характерно — говорят о них в третьем лице («сейчас она снова об этом думает», «сейчас он уходит»). Эта жалоба правильна, она отражает истину; такая сила, которая следит за всеми нашими намерениями, узнает их и критикует, действительно существует, причем у всех нас в обычной жизни. Бред наблюдения изображает ее в регрессивной форме, при этом раскрывает ее возникновение и причину, отчего больной и восстает против нее.

Собственно говоря, стимул к образованию Я-идеала, стражем которого назначена совесть, исходил из передаваемого через голос критического воздействия родителей, к которым с течением времени примкнули воспитатели, учителя и все необозримое, не поддающееся определению множество других лиц из внешнего окружения (окружающие люди, общественное мнение).

¹ [Возможность взаимосвязи между сублимацией и превращением сексуального объектного либидо в нарциссическое Фрейд обсуждает в начале 3-й главы работы «Я и Оно» (1923b), см. ниже с. 318–319.]

² [Позднее Фрейд разработал понятие Сверх-Я, которое представляет собой комбинацию этой инстанции и Я-идеала. Ср. 11-ю главу «Психологии масс» (1921c), *Studienausgabe*, т. 9, с. 120 и далее, а также 2-ю главу работы «Я и Оно» (1923b), с. 288 и далее в этом томе.]

Большие количества преимущественно гомосексуального либидо были привлечены для образования нарциссического Я-идеала, и они отводятся и удовлетворяются в процессе его сохранения. Институт совести вначале был, по существу, воплощением родительской, а в дальнейшем — общественной критики; этот же процесс повторяется при возникновении склонности к вытеснению вследствие вначале внешнего запрета или препятствия. Теперь голоса, а также оставшаяся неопределенной масса повелевавших людей вновь появляются при болезни, и тем самым регрессивно воспроизводится история развития совести. Спротивление же этой *цензурской инстанции* объясняется тем, что в соответствии с основным характером заболевания человек хочет избавиться от всех этих влияний, начиная с родительского, отводя от них гомосексуальное либидо. В регрессивном отображении их совесть враждебно противостоит им в виде воздействия извне.

Жалоба при паранойе показывает также, что самокритика совести, в сущности, совпадает по времени с самонаблюдением, на котором она основывается. Та же самая психическая деятельность, взявшая на себя функцию совести, стала также служить внутреннему исследованию, которое поставляет философии материал для ее мыслительных операций. С этим, пожалуй, связан импульс к построению спекулятивных систем, который характерен для паранойи¹.

Разумеется, если мы сможем выявить признаки деятельности этой критически наблюдающей инстанции, возросшей до совести и философской интроспекции, и в других областях, то это будет иметь для нас большое значение. К этим признакам я отношу то, что Г. Зильберер описал в качестве «функционального феномена» — одно из немногих дополнений к теории сновидений, ценность которого неоспорима. Как известно, Зильберер показал, что в состояниях между сном и бодрствованием можно непосредственно наблюдать превращение мыслей в зрительные

¹Только в качестве предположения добавлю, что с формированием и усилением этой наблюдающей инстанции, возможно, связано последующее появление (субъективной) памяти и восприятия времени, которое для бессознательных процессов не имеет никакого значения. [Дальнейшие пояснения по этому вопросу содержатся в работе «Бессознательное» (1915e), с. 157–160 в этом томе.]

образы. но что при таких условиях зачастую изображается не содержание мыслей, а состояние (готовности, усталости и т.д.), в котором находится борющийся со сном человек. Он также показал, что иногда заключительные части снов и фрагменты содержания сновидения означают не что иное, как самовосприятие человеком сна и пробуждения. Таким образом, он доказал участие самонаблюдения — в смысле паранойального бреда наблюдения — в образовании сновидений. Это участие постоянно; наверное, я и не обратил на него внимания потому, что в моих собственных снах оно особой роли не играет; у философски одаренных, привыкших к интроспекции людей оно может быть очень отчетливым¹.

Вспомним, что образование сновидения, как мы обнаружили, происходит под властью цензуры, вынуждающей к искажению мыслей сна. Но под этой цензурой мы не имеем в виду какую-то особую силу — мы выбрали это слово для обозначения обращенной к мыслям сновидения стороны вытесняющих, властвующих над Я тенденций. Внимательно рассмотрев структуру Я, в Я-идеале и в динамических проявлениях совести мы сможем распознать также и *цензора сновидений*². Если этот цензор хоть немного продолжает следить также и во время сна, то мы поймем, что условие его деятельности — самонаблюдение и самокритика — вносит свой вклад в содержание сновидения в виде таких замечаний, как «Сейчас он слишком сонный, чтобы думать», «Теперь он просыпается» и т. д.³

¹ [П. Зильберер (1909 и 1912). В 1914 году, то есть в том же году, когда Фрейд написал данную работу, он добавил в «Толкование сновидений» (1900a). *Studienausgabe*, т. 2, с. 483–485, гораздо более подробное обсуждение этого явления.]

² [Здесь, а также в начале следующего предложения и ниже, на с. 69, Фрейд употребляет личную форму «цензор» вместо обычно используемого слова «цензура». Ср. пассаж в «Толковании сновидений», на который указывалось в предыдущем примечании (*Studienausgabe*, т. 2, с. 485 и прим. 1). Различие между обоими выражениями Фрейд поясняет в конце своей 26-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917): «Самонаблюдающая инстанция известна нам как цензор Я, как совесть; это та же самая инстанция, которая ночью осуществляет цензуру сновидения...» (*Studienausgabe*, т. 1, с. 413.)]

³ Я не могу здесь определенно сказать, способно ли отделение этой цензорской инстанции от остального Я психологически обосновать философское разделение сознания и самосознания.

С этих позиций мы можем попытаться обсудить вопрос о чувстве собственной значимости у нормального человека и у невротика.

Чувство собственной значимости кажется нам прежде всего выражением величины Я, а то, из чего оно состоит, далее не учитывается. Все, чем владеет и чего достиг человек, всякий подтвержденный опытом остаток примитивного чувства всемогущества помогает повысить чувство собственной значимости.

Если мы введем наше разграничение сексуальных влечений и влечений Я, то должны будем признать за чувством собственной значимости особую внутреннюю зависимость от нарциссического либидо. При этом мы опираемся на два основных факта: что при парафрениях чувство собственной значимости повышено, а при неврозах переноса понижено и что в любовной жизни у нелюбимого человека чувство собственной значимости снижается, а у любимого оно повышается. Мы отмечали, что цель при нарциссическом выборе объекта — быть любимым, и это дает удовлетворение¹.

Далее нетрудно заметить, что либидинозный катексис объектов не повышает чувство собственной значимости. Зависимость от любимого объекта действует уничижительно; кто влюблен — тот покурен. Кто любит, тот, так сказать, лишился части своего нарцизма, и он может его сохранить лишь будучи любимым. Во всех этих отношениях чувство собственной значимости, по-видимому, остается связанным с нарциссическим компонентом в любовной жизни.

Ощущение бессилия, собственной неспособности любить вследствие душевных или телесных расстройств в значительной степени подрывает чувство собственной значимости. Здесь, по моему мнению, следует искать один из источников столь охотно проявляемых невротиками чувств неполноценности. Но главный источник этих чувств — обеднение Я, возникающее из-за чрезвычайно сильных катексисов, лишаящих Я либидо, то есть повреждение Я вследствие сексуальных стремлений, которые уже не поддаются контролю.

Адлер [1907] справедливо отметил, что ощущение собственной органической неполноценности стимулирует дееспособную

¹ [На эту тему Фрейд рассуждает в 8-й главе в своей «Психологии масс» (1921с). *Studienausgabe*, т. 9, с. 136–137]

душевную жизнь и посредством сверхкомпенсации ведет к повышению продуктивности. Но было бы большим преувеличением объяснять все высокие достижения этой первоначальной неполноценностью органов. Не у всех художников были дефекты зрения, не все ораторы вначале заикались. Многие превосходные результаты были достигнуты благодаря исключительной одаренности органов. В этиологии неврозов органическая неполноценность играет второстепенную роль — примерно такую же, какую актуальное восприятие материала играет в образовании сновидения. Невроз пользуется ею как предлогом, как и всякими другими подходящими обстоятельствами. Но если поверить невротической пациентке, что она заболела из-за того, что некрасива, уродлива, непривлекательна, и поэтому ее никто не может полюбить, то следующая больная, которая застревает в неврозе и отвергает половую жизнь, хотя кажется привлекательной и пользуется успехом, доказывает обратное. Большинство истерических женщин принадлежит к привлекательным и даже красивым представительницам своего пола, а с другой стороны, многочисленные уродства, обезображенные органы и физические недостатки у представителей низших слоев нашего общества никак не влияют на частоту невротических заболеваний в их среде.

Отношение чувства собственной значимости к эротике (к либидинозным катексисам объектов) можно сформулировать следующим образом: необходимо различать два случая — *сообразны ли Я* любовные катексисы, или, наоборот, подверглись ли они вытеснению. В первом случае (при сообразном Я использовании либидо) любовь ценится подобно любой другой активности Я. Сама по себе любовь — как страдание, лишение — снижает чувство собственной значимости, но взаимная любовь, обладание любимым объектом снова его повышает. В случае вытеснения либидо любовный катексис воспринимается как неприятное уменьшение Я, любовное удовлетворение невозможно, новое обогащение Я возможно лишь посредством отведения либидо от объектов. Такое возвращение объектного либидо к Я, его превращение в нарцизм, так сказать, опять представляет собой счастливую любовь¹, а с другой стороны, также и реальная

¹ [В первом издании и только в нем вместо «представляет собой» стоит «создает»].

счастливая любовь соответствует первичному состоянию, в котором объектное либидо и либидо Я неразличимы.

Ввиду важности и неясности предмета, наверное, будет позволительно добавить здесь некоторые другие положения без соблюдения строгой очередности.

Развитие Я состоит в удалении от первичного нарцизма, которое вызывает интенсивное желание обрести его вновь. Это удаление происходит посредством смещения либидо на навязанный извне Я-идеал, на удовлетворение благодаря осуществлению этого идеала.

Одновременно Я создает либидинозные объектные катексисы. Ради этих катексисов, таких, как катексис Я-идеала, оно оскудевает и снова обогащается благодаря удовлетворению, полученному от объектов, а также благодаря осуществлению идеала.

Одна часть чувства собственной значимости первичная, она представляет собой остаток детского нарцизма, другая часть происходит из подтвержденного опытом всемогущества (осуществления Я-идеала), третья часть — из удовлетворения объектного либидо.

Я-идеал поставил либидинозное удовлетворение от объектов в тяжелые условия, с помощью своего цензора¹ заставляя отказаться от некоторых его форм как от недопустимых. Там, где такой Я-идеал не развился, упомянутое сексуальное стремление входит в состав личности без изменений в виде перверсии. Снова быть своим собственным идеалом даже в отношении сексуальных стремлений, как это было в детстве, — вот чего люди желают добиться как высшего счастья.

Влюбленность состоит в перетекании либидо Я на объект. Она обладает достаточной силой, чтобы устранить вытеснения и восстановить перверсии. Она возвышает сексуальный объект до сексуального идеала. Поскольку она происходит по объектному типу или типу примыкания на основе исполнения инфантильных условий любви, можно сказать: то, что отвечает этим условиям любви, идеализируется.

Сексуальный идеал может вступать с Я-идеалом в любопытные отношения взаимопомощи. Там, где нарциссическое удовлетворение наталкивается на реальные препятствия, сексуальный идеал может использоваться для получения эрзац-удовлетворе-

¹ [См. прим. 2 на с. 66.]

ния. В таком случае человек по типу нарциссического выбора объекта любит то, чем он был и чего лишился, или то, что обладает достоинствами, которыми он вообще не обладает (см. выше пункт *в* [с. 59]). Формула, соответствующая предыдущей, гласит: человек любит то, чего не хватает Я для достижения идеала. Этот случай поддержки имеет особое значение для невротика, Я которого оскудевает из-за чрезмерных объектных катексисов и не в состоянии осуществить свой идеал. В таком случае от расточительного расходования своего либидо на объекты он хочет вернуться к нарцизму, выбирая себе сексуальный идеал по нарциссическому типу, который обладает недостижимыми для него достоинствами. Это и есть исцеление через любовь, которое он, как правило, предпочитает аналитическому. Более того, он не может поверить в другой механизм исцеления, с ожиданием этого он приступает к лечению и направляет это свое ожидание на персону лечащего его врача. Разумеется, этому плану исцеления препятствует неспособность больного любить вследствие его обширных вытеснений. Если в процессе лечения ему удалось оказать определенную помощь, то зачастую за этим следует непредвиденный результат — больной отказывается от дальнейшего лечения для того, чтобы сделать выбор в любви и доверить дальнейшее выздоровление совместной жизни с любимым человеком. Таким исходом можно было бы удовлетвориться, не будь он чреват всеми опасностями тягостной зависимости от этого помощника в беде.

От Я-идеала важный путь ведет к пониманию психологии масс. Этот идеал, помимо индивидуального, имеет и социальный компонент, он также является общим идеалом семьи, сословия, нации. Кроме нарциссического либидо, он связал также большое количество гомосексуального либидо человека¹, которое таким способом возвращается в Я. Неудовлетворенность из-за неосуществления этого идеала высвобождает гомосексуальное либидо, которое превращается в сознание вины (социальный страх). Сознание вины было первоначально страхом перед родительским наказанием, точнее сказать: перед утратой их любви; место родителей позднее заняла неопределенная масса това-

¹ [Значение гомосексуальности для организации групп отмечалось еще в работе «Готем и габу» (1912–1913). *Studienausgabe*, т. 9, с. 428; Фрейд также указывает на него в «Психологии масс» (1921с), там же, с. 116. прим. и с. 132.]

рищей. Таким образом, становится более понятным частое возникновение паранойи вследствие обиды, переживаемой Я, невозможности удовлетворения в сфере Я-идеала, а также совпадение образования идеала и сублимации в идеале Я, прекращение сублимации и возможное преобразование идеалов при парафренических заболеваниях.

